

С.В. Панкова

К интерпретации загадочных фигур из Хакасии

// История и культура Востока Азии. Том 2. Материалы международной научной конференции. Новосибирск, 2002. С. 135-140.

Интерпретация сюжетов и образов, представленных на памятниках древнего искусства, нередко представляет значительную трудность. Для толкования образов людей важное значение имеет изображенный на них костюм. Особенно заманчиво, если он не характерен для рассматриваемого региона. Яркий пример тому - гравировки необычных человеческих фигур на скальных выходах горы Орга и угловых камнях курганов недалеко от улуса Подкамень на севере Хакасии, в бассейне Черного Юуса. В 1887-1889 гг. они были обнаружены экспедицией Й.Р. Аспелина и изданы Х. Аппельгрена-Кивало [Appelgren-Kivalo 1931, abb. 98 – 101, 302 – 307]. Изображения представляют собой человеческие фигуры в длиннополых одеяниях со “шлейфами” и высоких головных уборах. Фигуры на скалах находятся непосредственно среди таштыкских гравировок, а на курганных плитах те и другие расположены на разных плоскостях камня или в отдалении друг от друга. Ракурс изображений – голова и нижняя часть туловища в профиль, остальное в фас – характерен для таштыкских и кыргызских гравировок и предполагает создание длиннополых фигур местными мастерами.

Опубликованные прорисовки очень точны, хотя Й.Р. Аспелин зафиксировал лишь наиболее глубокие и четкие изображения, в то время как мелкие и неясные, какими испещрены поверхности камней, остались непрочитанными. В этом удалось убедиться, сравнив их с оригиналами на горе Орга и на плите с одного из курганов [Appelgren-Kivalo 1931, abb. 99 – 102], хранящейся в Государственном Эрмитаже, куда она была передана в 1971 г. Л.Р. Кызласовым¹.

Загадочные фигуры интерпретировались исследователями по-разному. Й.Р. Аспелин и Х. Аппельгрена-Кивало назвали их “priester”, т.е. священнослужители, причем А.Тальгрена отметил в них “что-то китайское” [цит. по: Maenchen-Helfen 1951, p. 318]. О. Меншен-Хелфен, увидев в длиннополых фигурах представителей какого-то не шаманистского культа, попытался определить, какой из религий они могли принадлежать. На основании сходства их головных уборов с изображенными на манихейских памятниках из Турфана, он предположил, что хакасские гравировки изображают манихеев и относятся к периоду от второй половины VII до IX в. [Maenchen-Helfen 1951, p. 321].

С.Г. Кляшторный, считающий более вероятным распространение у енисейских кыргызов несторианства (в IX в. или несколько раньше), предложил несторианскую интерпретацию длиннополых фигур [Кляшторный 1959, с. 166]. Интересно, что позднее О. Меншен-Хелфен признал эту версию более обоснованной, более соответствующей политической обстановке того времени [Erdy 1996, p. 50]. М. Эрди, ссылаясь на костюмы сибирских и монгольских шаманов, передающих облик перелетных или хищных птиц, предлагает видеть в шлейфе длиннополых птичий хвост, а в головном уборе маску с клювом [Erdy 1996, p. 55 – 56]. И.Л. Кызласов считает длиннополых персонажей изображениями женщин в торжественных костюмах: головные уборы, по аналогии с китайскими, закреплены булавками, а шлейфы одеяний сопоставимы с изображениями уйгуров на фресках Восточного Туркестана [Кызласов 2001, с. 156]. По характеру окружающих изображений, фигуры признаны таштыкскими.

Сразу отметим, что “шаманская” интерпретация М. Эрди, основанная на самых схематичных изображениях, не находит подтверждения среди наиболее проработанных фигур, т.к. их одежды отражают вполне конкретный, описанный ниже костюм. Версия С.Г. Кляшторного основана на исторической возможности распространения несторианства у кыргызов, а аналогии изображениям специально не рассматривались. Наиболее конкретно изобразительные аналогии представлены в версии О. Меншен-Хелфена, несмотря на то, что он отказался от своей “манихейской” интерпретации. Приведенные им примеры удивительно близки наскальным гравировкам. На памятниках из Турфана – стенной росписи, матерчатом “флажке”, книжных миниатюрах – изображены *electi* (т.н. манихейские “избранные”), одетые в просторные белые одеяния со множеством складок у горловины, обозначенных несколькими полукруглыми линиями [Gulacsi 2001, fig.69, p. 80

¹ Изображение фигуры с “окладистой бородой” [Appelgren-Kivalo 1931, abb. 98] осмотреть не удалось.

– 82, 91]². Подобные полукруглые линии имеются и на гравированных фигурах из Хакасии, а их одеяния покрыты вертикальными и горизонтальными линиями, ассоциирующимися с многочисленными складками [Appelgren-Kivalo 1931, abb. 303 – 306]. Руки турфанских *electi* сложены на груди и спрятаны в широкие рукава [Gulacsi 2001, fig. 78, 80 – 82, 85 – 86, 89, 91, p.154]. На большинстве гравировок изображения рук отсутствуют, что необычно для местных рисунков, однако на двух из них показаны линии, в которых читаются широкие рукава [Appelgren-Kivalo 1931, abb. 98, 304]. Головные уборы и турфанских, и хакасских изображений были независимо друг от друга сопоставлены с китайскими тунтяньгуань [Восточный Туркестан...2000, с. 292; Панкова 2000, с. 23]. Они имеют характерные завязки, спускающиеся под подбородок, которые хорошо видны на фигурах с эрмитажной плиты. Характерно, что на одной из них рядом с завязкой показано ухо, что совершенно аналогично изображениям из Турфана [Appelgren-Kivalo 1931, abb. 100 – 102; Gulacsi 2001, fig.80, 91]. Полному отождествлению турфанских и хакасских изображений препятствует только отличие их причесок: мужчины-*electi* показаны с распущенными волосами, а на гравировках прическа (?) представлена дуговидными линиями на затылке с “завитком” у их основания.

Однако обнаруженные позднее и не вошедшие в публикацию Х. Аппельгрена-Кивало изображения противоречат манихейской интерпретации длиннополых фигур. Это гравировки, расположенные на верхнем ярусе Подкаменной писаницы, только нижнюю часть которой зафиксировал Й.Р. Аспелин. Помимо длиннополых фигур, здесь изображены животные в таштыкском стиле, воины [Кызласов 1990, рис. 2 – 5, 4 – 5], котлы. Две фигуры сохранились фрагментарно, две другие очень схематичны, однако еще две изображены довольно детально.

Одна из них (рис.1) изображает человека с массивным подбородком, в высоком головном уборе на темени и дугообразными выступами на затылке. Длинная лопасть отходит от них к подбородку (ср.: Appelgren-Kivalo 1931, abb. 305). По краю одеяния проходит вертикальная заштрихованная кайма. В верхней части одеяния имеются линии, отражающие, вероятно, его состав и покрой: V-образный вырез верхней одежды и складки у горловины нижней “рубашки” (?). Плечи закрыты отворотами или спускающимся на грудь “шарфом”.

На уровне пояса показана горизонтальная полоса с парой округлых выступов сверху и снизу. Под ними изображены вертикальные линии, оканчивающиеся фигурными деталями - вероятно, подвески. Ниже по подолу расположены бордюры, верхний из которых поперечно заштрихован.

Вторая фигура сложнее, т.к. здесь наложились, похоже, два образа (рис.2)³. Вверху хорошо видны знакомые “дуги” и “завиток”, хотя высокий головной убор отсутствует или не читается из-за стертой поверхности скалы. По краю одеяния проходит такая же косо заштрихованная кайма, что и у первой фигуры. Многочисленные полукруглые линии отражают складки у горловины, подобно костюму большинства длиннополых.

На уровне пояса или чуть выше представлен предмет, состоящий из закрученных волют и каких-то мелких деталей между ними. Ниже расположены подвески – вертикальные, как бы витые полосы, оканчивающиеся колечком-петелькой⁴. Под ними – широкий поперечно заштрихованный бордюр. Ниже – вертикальные линии, между которыми проходят зигзагообразные полосы. Нижняя часть одеяния нарушена, т.к. поверхность камня здесь сколота.

² О. Меншен-Хелфен ссылается на иллюстрации в книге А. Von Le Coq. Chotscho. Berlin, 1913. В настоящем сообщении приводится другое издание – один из наиболее полных каталогов манихейского искусства, в котором присутствуют и отмеченные О. Меншен-Хелфеном изображения.

³ На первый взгляд, плечи фигуры показаны глубокой линией, переходящей в длинную шею. Однако внимательное рассмотрение показывает, что это не так. Судя по известным изображениям длиннополых, их плечи располагаются у “завитка” в основании “прически”. И у описываемой фигуры именно здесь начинается линия, образующая изгиб-плечо и уходящая вниз к шлейфу. Она-то и образует фигуру длиннополого, а не другая, более явная. Это подтверждается и пропорциями фигур.

⁴ Бросается в глаза их сходство с железными витыми звеньями, встречающимися в материалах таштыкских склепов и комплексов раннетюркского времени Алтая и Приангарья, однако трудно сказать, насколько это сходство показательно.

Рис. 1.

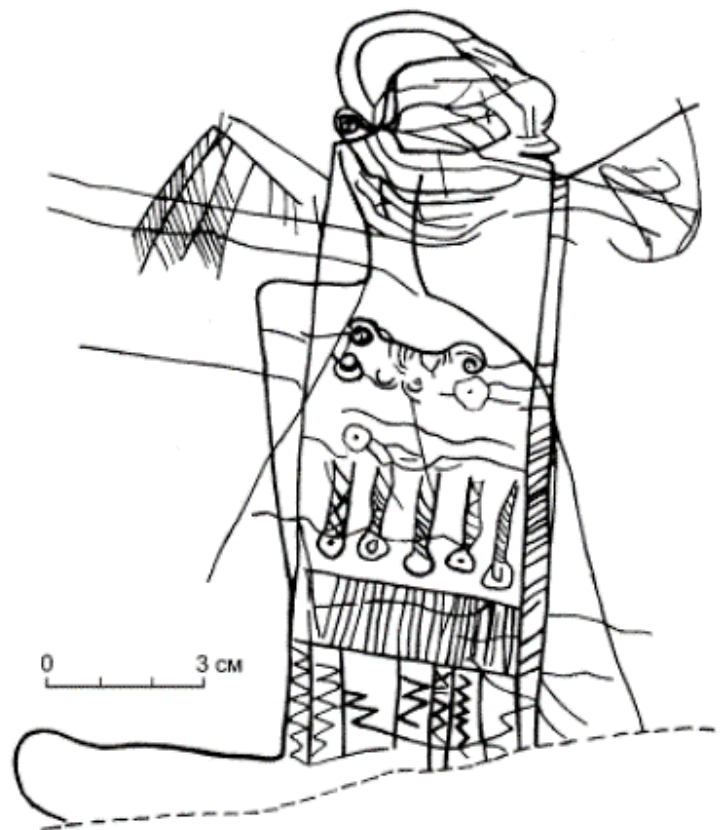

Рис.2

Рядом с “длиннополыми” имеется большое число тонких линий. В частности, у обеих фигур есть изображения, напоминающие “предметы у плеча” опубликованных гравировок [Appelgen-Kivalo 1931, abb. 98, 303, 304]. Эти и другие окружающие детали еще требуют более внимательного копирования.

Сравнение описанных фигур позволяет предположить, что на них представлен идентичный набор “украшений”: предметы на поясе, подвески, узорный бордюр. Нельзя исключить также, что “выступы” на поясе первой фигуры и волкаты второй передают образы близких предметов: в первом случае схематично, во втором – конкретнее.

С одной стороны, детали первого одеяния снова отсылают нас к турфанским изображениям, т.к. вырез верхней и складки нижней одежды аналогичны тем же особенностям костюма *electi* [Gulacsi 2001, fig. 80-81, 85, 91-92; p.188, 202], а то, что можно принять за “шарф” – их драпировкам и узорчатой кайме в одежде высших *electi* [там же, fig. 80, 81, 92; 32, 91]. В то же время, наряд этих фигур отличается обилием дополнительных деталей – украшений или атрибутов. Именно они не позволяют связывать фигуры с манихейским культом, т.к. *electi* по канонам своей религии носили белые одежды, практически без каких-либо дополнений.

В то же время отмеченные совпадения как в одежде, так и в положении рук хакасских и турфанских персонажей не позволяет отбрасывать эти аналогии. Сходство, по-видимому, объясняется тем, что костюм турфанских *electi* не был изначально и специфически манихейским, а был заимствован из Китая, где он в близком варианте существовал по крайней мере с Ханьского времени. Китайские изобразительные памятники от ханьского до танско-сунского периода представляют мужчин – императоров и высших чиновников в длинных распашных “халатах” с широкими рукавами, в торжественных туфлях с “надставками”, в головных уборах тунтяньгуань [напр. Сычев, Сычев 1975, табл. XXVI:1-8]. Китайский официальный костюм изменялся со временем, но культовые одеяния, надеваемые для жертвоприношений, сохраняли основные элементы традиционного древнего убора. Нам практически не известно, как выглядели манихеи в Передней и Средней Азии: источников по этому вопросу мало и автору они пока не знакомы. Однако присутствие у *electi* такого специфического головного убора как

тунтяньгуань и особенно использование его как атрибута манихейской веры [Gulacsi 2001, p.144, fig.65] является одним из доказательств заимствований в их культовом одеянии. Помимо манихеев, в памятниках Восточного Туркестана в таких одеяниях бывают изображены легендарные правители в сценах буддийского содержания [Haertel, Yaldiz 1987, №№ 40, 59]. Таким образом, сходство хакасских и турфанских изображений отражает общий прототип – китайский официальный костюм. Он мог попасть на территорию нынешней Хакасии или непосредственно из Китая, или из Восточного Туркестана. В зависимости от этого время появления изображений в Хакасии может быть различно.

И.Л. Кызласов предположил, что китайская мода могла появиться на Енисее со свитой “дипломатических невест” [Кызласов 2001, 156]. Отметим, что отсутствие в таштыкском искусстве изображений женщин естественно побуждает видеть их в фигурах, отличных от образов мужчин-воинов, а пышные прически подкаменных длиннополых способствуют их женской интерпретации. Вполне допустимо также, что фигуры изображают знаменитых китайских невест, а их “тяжелые” лица отражают антропологический тип, отличающийся от облика населения Среднего Енисея. Однако однозначных доказательств женской принадлежности длиннополых фигур пока нет. Китайское влияние, отраженное в костюме длиннополых, не позволяет считать их исключительно женскими изображениями, т.к. подобные одежды, как показано выше, были в равной, если не в большей степени характерны для мужского облачения. Тунтяньгуань был деталью исключительно мужского костюма⁵: на изображениях женщин головной убор либо другой, либо вовсе отсутствует [Сычев, Сычев 1975, табл. XXIX:1-6]. Показательно, что и у женщин-*electi* из Турфана головные уборы иные. Кроме того, независимо от тунтяньгуань, ни на одном женском изображении в Китае или Туркестане головной убор не держится с помощью завязок, представленных на ряде хакасских гравировок, и напротив, как правило они присутствуют на мужских изображениях. Тяжеловесные подбородки подкаменных гравировок (Рис.1) [Appelgren-Kivalo 1931, abb. 99 – 100] также более соответствуют мужскому облику. Таким образом, есть основания считать длиннополые фигуры изображениями мужчин.

Поза длиннополых – со сложенными на груди, спрятанными в широкие рукава руками, несомненно обладала определенным смыслом. Недостаток информации не позволяет автору очертить весь круг источников и определить значение этой позы: в Китае и Восточном Туркестане она встречается как на мужских, так и на женских изображениях, в том числе в сценах религиозного содержания. Представляют длиннополые фигуры местных женщин или прибывших издалека “гостей”, положение их рук отражает определенную традицию, связанную с Китаем и Туркестаном.

Ту же традицию, вероятно, представляют изображения “шлейфов”. Подобные шлейфы в Китае – распространенная черта в изображениях разного времени, отражающая, видимо, не только реалии костюма, но и особенность иконографии. На скалах Хакасии “шлейф”, изображенный местными мастерами, передавал скорее конкретную деталь одеяний.

Предположение С.Г. Кляшторного о том, что в руках длиннополых фигур изображены опахала⁶, находит подтверждение в различных изобразительных памятниках Китая, где представлены как небольшие круглые веера, так и крупные удлиненные опахала [Эстампажи 1958, рис. 24 – 26].

Обращает особое внимание концентрация длиннополых фигур в одном небольшом регионе⁷ при их отсутствии в других районах Хакасии. Такая локальность, наряду с чужеродностью образов, позволяет предположить их пришлый характер. Скорее всего, прототипы длиннополых фигур были гостями в Хакасии. В таком случае особенно важным для них явился бы контакт с представителями власти. В этой связи интересно

⁵ Единственное упоминание о захоронении знатной женщины в торжественном старинном облачении, включающем тунтяньгуань, относится к позднеюаньскому времени, когда оно уже практически не употреблялось в официальных кругах [Сычев, Сычев 1975, 59].

⁶ С.Г. Кляшторный пишет “древнехристианские рипиды”.

⁷ Писаницы на горе Орга и могильник, откуда происходят камни с изображениями, расположены в пределах 10 км друг от друга.

свидетельство Гардизи, относящееся к IX – X вв., о существовании каганской ставки енисейских кыргызов “в семи днях пути к северу от Когменских гор” – предположительно, где-то на Белом Июсе [Потапов 1957, 15 – 16]. Вполне вероятно, что район Белого Июса и Чёрного Июса являлся политическим центром кыргызов и в более раннее время, к какому относятся рассматриваемые гравировки, т.к. такая ситуация сохранялась здесь до XVII в. [Потапов 1957, 15 – 16]. В этом случае весьма правдоподобными оказываются как версия посольства, так и версия каравана или группы миссионеров. Таким образом, в изображении длиннополых фигур у Подкамня отразился реальный контакт местного населения с иноземцами.

Список литературы

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. Т.4. М., 2000. – 583 с.

Кляшторный С.Г. Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959, №5. С.162 – 169.

Кызласов И.Л. Таштыкские рыцари // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С.182 – 191.

Кызласов И.Л. О свадебном наряде средневековых хакасов // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Самара - т. 1 - 2001. С. 152 - 168.

Панкова С.В. Наскальные изображения представителей неизвестного культа на севере Хакасии // Святылища. Археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПбГУ, 2000. С.229 – 233.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307с.

Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975. 132 с.

Эстампажи пещерных скульптур периода Северная Вэй. Сост. Юй Си-нин, Ло Цзя-цзы. Пекин, 1958г. (на кит яз.) – 56 с.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. Helsingfors, 1931. – 72 p.

Gulacsi Z. Manichaeian art in Berlin collections (Corpus Fontium Manichaeorum. Series Archaeologica et Iconographica. Vol. I) Brepols, 2001. – 283 p.

Erdy M. Manichaeans, nestorians, or bird costumed humans in their relation to hunnic type cauldrons in rock carvings of the Yenisei valley // Eurasien Studies Yearbook. Eurolingua. 1996, №68. P. 45 – 95.

Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia // Semitic and Oriental studies. University of California publications in Semitic philology. 1951, vol.XI. P. 311 – 326.

Haertel H., Yaldiz M. Die Seidenstrasse. Malereien und Plastiken aus buddhistischen Hoehlentempeln (Aus der Sammlung des Museums fuer Indische Kunst Berlin). 1987. 179 p.